

ЛИТЕРАТУРНО-ЖУРНАЛЬНЫЙ 1769 ГОД И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Начало 1769 года ознаменовалось возникновением в России нескольких новых литературных явлений. «Всякая всячина» – под таким названием в начале января в Петербурге, в академическом издательстве, начал выходить новый журнал. Вспомним исторический контекст нового начинания. Журналы уже не были чем-то диковинным: еще с 50-х годов существовал почтенный академический журнал ученых новостей, переводов и критической библиографии – «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»; преподаватели и выпускники престижного Сухопутного шляхетского корпуса – молодые писатели и переводчики – издавали «Праздное время, в пользу употребленное»; поэты «кружка Хераскова» в Москве участвовали в нескольких друг за другом выходивших периодических изданиях – «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Доброе намерение»; наконец, была предпринята попытка издания частного журнала – «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. Эти издания, выходившие на протяжении 50-х-60-х годов, воспроизводили одну и ту же модель: редакторские коллективы журналов патронировались властью и разделяли ее взгляды.

Установлено, что деньги за издание «Всякой Всячины» вносил Г. В. Козицкий, бывший в ту пору секретарем Екатерины II для «принятия челобитен» и возглавлявший «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков писал о Козицком: *«Слог его чист, важен, плодovit и приятен; по сему-то некоторые и заключают, что «Всякая всячина», еженедельное сочинение 1769 года, приобретающее толикую похвалу, есть произведение его пера»* [4, С. 101-102].

Уже во втором листке «Всякой всячины» всем желающим предлагалось присылать свои материалы — *«как стихи, так и прозу»* — для публикации в журнале. *«Мы же обещаем вносить в наши листы все то, что нас не введет в тягубу со благочинием, лишь бы оно чуть сносно написано было»*, — заверяли издатели журнала. Объявив заранее, что журнал будет выходить в течение года, издатели «Всякой всячины» имели, по всей вероятности, определенный план действий, и названный срок был достаточным для его осуществления. Призыв следовать примеру «Всякой всячины» и льготы, предоставленные издателям других журналов (от них не требовалось называть своего имени, они освобождались от ряда цензурных формальностей), показывали уверенность руководителей этого культурного проекта в успехе.

«Всякая всячина» породила целый ряд сатирических журналов. В середине января появляется журнал «И то, и сию», за которым тотчас

последовал журнал «Ни то, ни сию». Вслед за этими изданиями начал выходить журнал под названием «Поденщина», и уже в начале апреля к этому списку прибавился журнал «Смесь». С начала мая начинает выходить журнал «Трутень». Список этих изданий дополнили «Полезное с приятным» и начавший печататься с июля 1769 г. журнал «Адская почта». Между новыми изданиями установились отношения своеобразной литературной игры: эти журналы смотрели на «Всякую Всячину» (как, впрочем, и она на себя) как на свою «бабушку», а себя называли «внучатами». «Всякая всячина» сообщила, что она стоит за сатиру в «улыбательном духе», которая не затрагивает отдельных лиц и конкретных недостатков государственно-политического строя России, а выступает лишь против пороков, не целя ни в кого персонально. Решительно отвергает «Всякая всячина» жалобы на чиновников – «подьячих», часто исходившие из уст русских писателей и журналистов: *«если бы менее было около них искушателей, не умалилася ли бы тогда и на них жалоба»* [3, № 60]. Не «искушать» же подьячих весьма легко, для этого не нужно... вовсе к ним обращаться: *«не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем любовно миритесь без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот»* [3, № 60].

Сама «Всякая всячина» вовсе не желала касаться общественных пороков, предпочитая говорить иногда о человеческих «слабостях»: *«многие молодые девушки, – с осуждением писала «Всякая всячина», – чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что поднимают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего»* [3, № 59].

«Всякая всячина» выступила в роли законодателя литературных вкусов и выходила с продуманной эстетической установкой: *«я хотел показать, первое — что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе; второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их, и третье — говорить русским о русских и не представлять им умоначертаний, коих оные не знают»* [2, № 176]. Мишенью сатиры становятся скорее нравы, нежели вкусы. Попытка исправления нравов связана как с просветительскими принципами вообще, так и с особенностями воспитания и образования самой государыни: *«она не любила ничего грустного, чувствительного и претендующего на остроумие...»*, – писал австрийский аристократ на русской службе принц Ш.-Ж. де Линь, – *«не любила и не знала новейшей литературы. Она обладала более логикою, чем риторикою. ...В ее слоге больше ясности, чем легкости... оттенки, прелесть мелких подробностей, живость слога были чужды ей»* [5].

«Всякая всячина» постепенно приучала читателей к нравоучительно-развлекательному тону своих еженедельных листков. Основное место в екатерининском издании занимала отвлеченная бытовая сатира. Суеверие и страсть к слухам, скупость, зависть и невоспитанность, самодурство и бесполезное модничанье, склонность к дурным привычкам и нетерпимость к окружающим – таковы основные объекты сатиры на страницах «Всякой

всячины». Нередко журнал откликался на материалы, появлявшиеся в других изданиях: «Всякая всячина» охотно вживалась в роль «бабушки» – она журила одних, подбадривала других, давала советы третьим.

Камнем преткновения, вызвавшим острую полемику между «Трутнем» и «Всякой всячиной», стал вопрос о предназначении сатиры и границах дозволенного высмеивания носителей пороков и виновников общественных злоупотреблений. В сущности, этот знаменитый эпизод из истории литературной борьбы многие годы определял подход историков литературы и журналистики к оценкам екатерининского журнала. Повод для полемики дала сама «Всякая всячина». В майском листе [3, № 52], отвечая одному из корреспондентов, издатели журнала поставили вопрос о возможности исправления природы человека средствами сатиры. «Снисхождение и человеколюбие» — вот что объявлялось истинным проявлением «любви к ближнему». Действия же тех, кто стремится исправлять пороки, осмеивая и критикуя их носителей, рассматривались как проявление злобы и нетерпимости, несовместимых с законами человечности. И в помещенном вслед за этим ответом письме читателя *Афиногена Перочинова* предлагались правила, которыми следовало бы руководствоваться тем, кто желает критиковать людские недостатки: «1) *Никогда не называть слабости пороком.* 2) *Хранить во всех случаях человеколюбие.* 3) *Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того.* 4) *Просить Бога, чтоб дал нам дух кротости и снисхождения*» [3, № 53]. При этом, не довольствуясь предложенными правилами, «Всякая всячина» сочла нужным сопроводить письмо Перочинова постскриптумом: «*Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтоб впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить*» [3, № 53]. Сам стиль предложенных правил, особенно двух последних, позволяет говорить о причастности Екатерины II к их сочинению.

До сих пор императрица не встречала активного противодействия той линии, которую она стремилась проводить на страницах журнала. Но на этот раз позиция, занятая «Всякой всячиной», вызвала ответную реакцию. Первым выступил «Трутень». В письме от читателя *Правдулюбова* в журнал изложенные на страницах «Всякой всячины» правила подвергались серьезной критике: «*Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием... но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием... Любить деньги есть также слабость, почему слабому человеку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подрасть с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия*» [6, л. 5].

Союзником «Трутня» в отстаивании права сатириков не обличать абстрактные пороки, а выводить перед читателем их конкретных носителей,

выступил журнал «Адская почта», издававшийся Ф. А. Эминым. В ноябрьском номере журнала он писал открыто: *«Ругательства нигде не годятся, но прямо описывать пороки и называть вора вором, разбойника разбойником, кажется, что дело справедливое»* [1, № 5].

Таким образом, в 1769 г. в Петербурге составил разноголосый хор из нескольких журналов, в котором выделялись голоса новиковского «Трутня» и официозной «Всякой всячины».

Вместе с тем значение «Всякой всячины» отнюдь не исчерпывается взятой ею на себя ролью в полемике с «Трутнем». В «письмах» читателей и «ответах» издателя – формах, избранных в качестве литературного приема организаторами журнала – содержатся суждения и оценки, относящиеся к эстетической программе издания, современным ему общественным нравам. Театральные впечатления, например, представлены в отклике анонимной «читательницы» на пьесу Г. Колле «Тесть и зять», изобилующую ненатуральными театральными эффектами и преувеличениями, вместе с замечанием – *«критика легка, но искусство не легко; ...при теперешнем положении наук у нас...гораздо нужнее поощрение, нежели строгая критика. Но вообще, чем более будет переводов и сочинений, тем более будем иметь надежды получить со временем лучшие, а может быть и совершеннейшие»* [3, № 15]. Неудивительно, что, по отзывам современников, из драматических жанров Екатерина больше любила комедию, чем трагедию. Более по вкусу ей были буффонада и фарс.

Из немногочисленных литературно-критических отзывов во «Всякой всячине» заслуживают внимания защита пьес В. И. Лукина от нападок современников; насмешки над «Тилемахидой» и «Аргенидой» В. К. Третьяковского, который поистине здесь играет роль «мальчика для битья» (*«ложаясь спать, чтоб изволила прочесть рядом шесть страниц нашего сочинения, а потом шесть страниц Тилемахиды, и крепко надеемся, что сим способом уже она не услышит храпления своего супруга»*), – советует «Всякая всячина» «читательнице» Хрипухиной; *«впрочем мы спорить не будем, что стихи Аргениды одни могут служить к таковому же употреблению, но вместе с Тилемахидою они произведут терзание жил, потяготу, тягость и отвращение ото всего»; «если скучна Тилемахида, то этому можно помочь, читая вышедшие из перевода книги древней и римской истории»* и т.д.). Необходимо иметь в виду, что простой слог «Всякой Всячины» противопоставляется неясному изложению «Тилемахиды» еще и в борьбе за новый литературный язык; как знак ухода в прошлое норм классицизма, и потому это противопоставление отдано «читателю» – защитнику высокой литературы, якобы критикующему «нововведения». *«Всякая Всячина, соединенная с вещами себе подобными, произведет к чтению жадность»*, – уверены в своей правоте издатели журнала. И как подтверждение этих слов, «читатель» Чертухин хвалит «Всякую Всячину» за то, что та хорошо пишет, и хулит за то, что редко [3, № 17].

Мы встречаем здесь похвалы М. В. Ломоносову, А. П. Сумарокову (*«бред мой состоит в том, что браню худых сочинителей...на примере*

«Зятя и Тестя» и «Разумного Вертопраха» и тому подобных, исключая славных «Синава», «Хорева» и прочих, которые ясно показывают великость духа сочинительства»; «...стал знать вкус во книгах и больше любил читать хороших стихотворцев...покойного Ломоносова и господина Сумарокова, как первых российского Парнаса светильников» [3, № 26].

Неудивительно, что стиль журнала ироничен; примечательно, что он при этом (редкое качество!) самоироничен: один из «корреспондентов», камчадал *Аришлай Шуши*, хранит выпуски «Всякой Всячины» в двух ящиках – в одном «с остротою», во втором «без остроты, следовательно, ничего не значащие». Он надеется, что автор наполнит оба ящика наравне, ибо иначе шкаф его, наклоняясь на одну сторону, непременно упадет [3, № 12]. *«В Аглинском смотрителе, – продолжает эту метафору журнал, – очень немало соли, а Всякая Всячина на него походит, так для чего же не быть и в ней чему полезному для общества?»*

Итак, что же произошло в русской литературе в 1769 году? Следствием открытого размежевания литературных сил на идеологической основе явилось формирование общественного мнения, независимого от официальной идеологии. Отход от практики меценатства, превращение литературы в самостоятельную общественную силу означали резко возросшее значение литературы в духовной жизни общества. В этом надо видеть заслугу и «Всякой всячины», и ее оппонентов, и не ощущать последствий своей деятельности Екатерина II не могла. В последующие годы ее творческая активность оказалась связана с драматургией, а к изданию журнала она вернулась лишь раз, много лет спустя, когда после создания Академии Российской, в содружестве с Е. Р. Дашковой, принялась выпускать «Собеседник любителей российского слова».

Литература

1. Адская почта. – СПб., 1769 – №№ 1-6.
2. Барышек Всякия Всячины. – СПб., 1770. – лл. 1-18.
3. Всякая Всячина. – СПб., 1769. – лл. 1-52 (№№ 1-146).
4. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. – СПб., 1772.
5. Письма и мысли маршала принца де Линь. – М.: Унив.тип., 1809.
6. Трутень. – СПб., 1769-1770. – лл. I-LIII.

Анотація

У статті наведено роздуми про нове літературне явище – полеміку журналів 1769 р., що призвела до зростання самостійної суспільної значущості літератури, а також про витoki й напрямки нової ідеологічної та естетичної програми російської літератури й культури в журналі «Всякая Всячина».

Ключові слова: журнал, полеміка, сатира, літературна політика.

Аннотация

В статье приводятся размышления о новом литературном явлении – журнальной полемике 1769 г., приведшей к росту самостоятельного общественного значения литературы, а также об истоках и направлении новой идеологической и эстетической программы русской литературы и культуры в журнале «Всякая Всячина».

Ключевые слова: журнал, полемика, сатира, литературная политика.

Summary

The article presents some reflections on the new literary phenomenon – journalistic polemics in 1769, which led to the growth of independent public significance of literature, as well as the origins and direction of a new ideological and aesthetic program of Russian literature and culture in the journal «Vsyakaya Vsyachina».

Key words: journal, polemic, satire, literary politics.